Текст · 3 января 2024, 17:03
Павел Васильев,

«Я в первый раз за время войны ощутил шок». Жители Белгорода рассказывают о неделе под обстрелами

29 декабря российская армия нанесла массированный удар по украинским городам, включая Киев. 30 декабря уже украинские военные обстреляли центр Белгорода, в результате, по официальным данным, погибли 24 человека, в том числе четверо детей. Обстрелы продолжились и в новом году, местные власти сообщали о гибели еще одного человека. Из-за неразорвавшегося снаряда в одном из районов Белгорода власти решили эвакуировать 600 человек. «Медиазона» поговорила с несколькими жителями Белгорода о том, что происходило в городе накануне Нового года, и о том, как они живут после начала постоянных обстрелов.

«Есть ощущение, что только хуже будет». Иван[1], 28 лет

Я пропустил [первый обстрел 29 декабря], потому что по своим делам зашел в торговый центр в центре города и даже ничего не услышал. Потом только, когда встретился с друзьями, они мне рассказали, что в городе хорошо так было слышно взрывы.

Нужно понимать, что Белгород — город маленький довольно. Тут плюс-минус пять километров туда, пять километров сюда. В первый день я не следил, где

именно падали осколки, и сначала не воспринимал серьезно то, что происходило 29-го.

Это вообще худшее время с начала войны. Такого еще не было. До этого можно было сказать, что самое худшее — это когда был обстрел Шебекина.

30-го я был дома и думал идти в супермаркет, грубо говоря, продуктами затариваться перед Новым годом. И начал слышать взрывы за окном. Это не какой-то единичный взрыв был, а именно серия. Тут я действительно испугался, я в коридор вышел, где окон нет. Дребезжало все внутри, мебель ходуном ходила, окна дрожали, было страшновато. Было так громко, как будто над домом реально что-то взрывается. Потом я уже спустя какое-то время узнал, что буквально взрывы были в десяти минутах ходьбы от меня, рядом с технологическим университетом.

Я в первый раз, наверное, за все время после начала войны ощутил шок. Когда ты не знаешь, что делать. Я, например, разговариваю с родственниками из Харькова — и они привыкли, что каждый день что-то взрывается с шумом и так далее. И они каким-то безумным способом приспособились к этому и привыкли. А здесь получается, что это больше воспринимается как некий теракт, где-то что-то взорвали, причем перед праздником. И ты не знаешь, повторится ли это, можно ли уже выходить из дома или еще подождать.

Было бы понятно, если каждый день что-то происходит такое: ладно уже, чему быть, того не миновать — и пошел по своим делам куда-то. А здесь

ты не знаешь, можно ли переждать это или нельзя. И вот так в неопределенности какой-то существуешь.

В итоге 30 декабря я почти не выходил из дома, только в соседний магазин вечером. На следующий день я пошел в супермаркет, 20–25 минут пешком. И всю дорогу идешь, мониторишь, куда можно спрятаться. Видишь, что вдоль пути куча машин, которые тоже взрываются легко при попадании осколков, и так далее. Не чувствуешь себя в безопасности совершенно. Это чувство остается: лишний раз выходить на улицу не хочется, с друзьями встретиться в кафешке, в которой мы обычно встречаемся, тоже не хочется.

У меня есть такая личная история: мне в апреле приснился сон, что центр города обстреляли. Было стремно после этого сна, а сейчас, когда я кадры [с последствиями обстрела] смотрел — такое, блин, как будто воплотилось что-то такое. И я до сих пор не был в центре города после 30-го числа.

У меня подруга уехала из Белгорода к родственникам сразу же с утра 31-го. Другой друг уехал в отпуск и теперь думает, что, если все это не прекратится — у него отпуск почти до конца января, — он не будет возвращаться в город.

Я реально до ночи 30-го был в шоке. Мне просто хотелось лежать, спать и ничего не делать. И только к ночи я более-менее снова какую-то жизнь почувствовал, встретившись с родственниками на праздновании.

Я решил уезжать. В какой-то степени это действительно связано с личной безопасностью, потому что шум, который сейчас создается, он не такой, как раньше — намного громче серии, все дребезжит, настолько мощного и так часто не было раньше.

Дело еще в том, что я работаю психологом и я работаю онлайн, у меня клиенты из других городов. Если бы я работал с местными людьми, то куда их бросать и уезжать? А так я работаю, наоборот, с людьми, которые далеко, и они как бы беспокоятся и не чувствуют, что мы можем нормально продолжать работать. Как я могу создать доверительную обстановку, если мне нужно самому постоянно в напряге сидеть, ждать чего-то и в случае чего подрываться и бежать, там, в коридор и прятаться? Это вообще не рабочая обстановка совершенно для моей профессии. Я в некой растерянности и теперь продумываю, как и куда уезжать.

Какая обстановка в городе? Все по своим делам ходят. На следующий день, 31 декабря, уже цветы возлагали. У меня друг — владелец чайного клуба, он решил не закрываться — у него заведение в подвале, и он сказал, что люди там прятались в тот день, он их чаем поил.

Вчера мэр сообщил, что закрываются на ближайшие дни торговые центры, основные, самые крупные и не только. Кинотеатры тоже закрываются, чтобы люди лишний раз не выходили куда-то.

С бомбоубежищами непонятно. Их, типа, все закрыли, назначили там каких-то ответственных с ключами, которые, по идее, должны открывать

каждый раз, либо у них ключи нужно взять. Но сама по себе, конечно, эта идея бредовая, что через каких-то там лиц [можно в убежище попасть]. Я ни в одном бомбоубежище ни разу не был. И, например, я могу остаться в своей квартире в коридоре, либо мне нужно выйти на улицу, бежать в соседний дом, не понимая, открыто это убежище или не открыто.

Сегодня [3 января] обстрелы в 5:30 начались. Второй был в 6:30. После второго я понял, что не хочу каждый раз вставать и бегать в ванную или коридор. Поэтому постелил одеяла на полу в ванной комнате и там спал.

Если почитать комментарии в местных телеграм-каналах, то люди, которые не за войну, обижаются, что им достается. Как бы Украина стреляет по гражданскому населению, хотя мы, гражданское население, в войне не участвуем.

В целом [со стороны местных властей] как будто все грамотно. Центры помощи какие-то, выплаты [пострадавшим], ремонт вроде какой-то оплачивают бизнесменам и все такое.

Друзья мои очень негативно и пессимистично смотрят на ситуацию. Типа будет хуже. Такое настроение подавленное, я бы сказал. Неизвестно, когда закончится это обострение, но есть ощущение, будто со временем только хуже будет.

Я сам не хочу уезжать, но мне нужно — то есть меня вот так разрывает. Я знаю, что нужно уезжать, и я уже решился это сделать, но мне очень не хочется оставлять друзей, близких и так далее. Но все все понимают. Проблема же в том, что мы не знаем,

закончится ли это через неделю или через полгода — или вообще не закончится. Эта неопределенность напрягает больше всего.

Последствия обстрела Белгорода, 30 декабря 2023 года. Фото: Reuters

«Улицы опустели, многие боятся выходить без надобности». Анастасия-[2], 32 года

Я планировала встречать Новый год с семьей и с 31-го нахожусь в 60 километрах от Белгорода. Здесь тихо, но сердце все равно не на месте. 30 декабря я была в городе, к счастью, у себя дома. Я живу в другом районе [дальше от пострадавшего от обстрела в тот день центра]. Было очень громко, от последнего хлопка задрожали окна.

Многие знакомые и часть близких друзей переехали в другие города. Но я пока не собираюсь никуда уезжать.

К счастью, мне не доводилось быть в гуще событий, в непосредственной близости прилетов или на улице во время обстрелов. Ум уже привык к громким звукам, но тело все равно реагирует высоким сердцебиением, напряжением. Когда очень громко, на автомате иду в ванную, сижу на полу в прострации и ожидании, когда все это закончится.

Так как последние несколько дней я нахожусь за городом, об обстановке знаю со слов друзей и знакомых. В городе неспокойно. Улицы опустели, многие сидят дома и боятся выходить без надобности. Несмотря на внешние события, завтра я намерена вернуться в город. Будь что будет.

Я воспринимаю [все происходящее] как нечто, на что я не в силах повлиять. Живу свою маленькую жизнь, пытаюсь заниматься творчеством. У меня творческая специальность, из-за этого много рефлексии, будто я занимаюсь чем-то ненужным.

31 декабря я ехала в автобусе на вокзал под сирену. На сердце тревожно в такие моменты, мысли полны надежды на то, чтобы опасность миновала. Всем страшно. Всем хочется мирного неба, чтобы все это поскорее закончилось. В таких условиях сложно строить планы на будущее.

«Фрустрация находит великая». Ирина-[3], 23 года

30 декабря я была в кафе на Харьковской горе. Это немножечко удалено от центра. Задрожали окна, но мне совершенно инстинкт [самосохранения] не сказал от них уйти. Я была в относительно безопасном месте.

На самом деле, здесь, в Белгороде, инстинкты достаточно сильно подрываются. И я могу сказать не только за себя, но и за многих людей. Например, у меня мама вообще побежала к окну смотреть в бинокль. Возникает некоторый ступор, когда

это происходит, время замедляется очень сильно. Ты думаешь, вот, вылетит или не вылетит окно? Ты превращаешься в какого-то такого философа, который наблюдает за этим всем. И достаточно тяжело среагировать [на взрывы и обстрелы]. Я чуть-чуть отсела [от окна], но вряд ли бы меня это спасло от осколков.

Я не планирую покидать город. Он для меня родной, у меня здесь налаженная жизнь. И, на самом деле, менять ее будет гораздо более проблематично, чем оставаться здесь. Я понимаю, это звучит абсурдно, потому что, казалось бы, ты можешь просто умереть, дура. Но на самом деле ко всему привыкаешь, и к такому тоже.

После первых обстрелов мы зашли с подругой в храм. Но не потому, что мы верующие, просто она захотела посмотреть, вообще зайти в этот храм. И как раз-таки началась, уже после обстрелов, сирена. И это повторяется у нас стабильно уже несколько дней. Сначала выстрелы, а потом только сирена. На хрена, никто не может ответить.

Сегодня [3 января] многие не работают, но у нас такая организация, что мы работаем. Вот я вышла буквально на один день. Было абсурдно утром собираться. Взрывы были около 06:00, уже вторые. Первые были, мне кажется, около двух-трех ночи, и, собственно, поспать особо не удалось. Я вот лежала буквально до последнего утром и думала, какой же это абсурд: идти на работу и соблюдать какие-то еще внутренние установки. Что вот работа — это нужно, работа — это важно, когда просто твоя комната находится с двух сторон по внешней стене с улицей.

Если прилетит, то вообще никаких шансов. И такая фрустрация находит великая. Но тем не менее я как-то так собрала тревогу в кучу, нашла в себе силы и, собственно, вышла из дома.

Город полупустой. Обычно в это время гораздо больше машин, больше транспорта. В принципе, люди в транспорте отсутствуют практически. У нас и так общественный транспорт сократили, и некоторые [маршруты] идут по объездным путям. Но сейчас вообще не знаю, как и с чем сравнить даже. Все на панике. На работе все делают вид, что они такие важные, они что-то делают, но на самом деле — внутренняя тревога за родных, за тех, кто остался дома. И, в общем, все это очень странно.

Не знаю, что будет сегодня, не знаю, что будет завтра. На работе моя подруга живет в коридоре, я серьезно. И она думает уезжать на ПМЖ в Питер. Она боится, очень боится и изначально очень боялась. Мне как-то более спокойно в этом смысле, я даже не знаю почему, если честно.

Я человек с достаточно необычной реакцией на все это. Я не бегу в подвал, я вообще редко ухожу от окон и надеюсь на какую-то непонятную судьбу, что на авось пронесет. Я как-то так к смерти отношусь, если честно: если она тебе уготована, то она тебя настигнет. А если нет, так нет.

Наверное, это неправильно. Но тем не менее я прекрасно понимаю и отдаю себе отчет, что вряд ли я буду жить по-другому. Я максимум выбегаю в коридор. И ни в какие подвалы с крысами спускаться я уж точно не буду.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Имя изменено.

2. Имя изменено.

3. Имя изменено.